

Хуан Даху, до этого молча читавший книгу на верхней полке, вдруг свесился вниз. Его темные глаза уставились прямо на Чжао Баи, который сидел на соседней нижней койке рядом с Ван Сяомао. Баи от такого пристального внимания даже вздрогнул. Стоило вспомнить, что с самого первого дня, когда товарищ Чжао Баи случайно сболтнул лишнего, из-за чего на него косо посмотрело чуть ли не все отделение, Хуан Даху вообще обращался с ним как с пустотой.

Даху по природе своей не отличался болтливостью: ни с кем особо не общался, все свободное время проводил на своей койке, уткнувшись в чтение. Тем удивительнее было то, что он вдруг заговорил сам:

— Ты когда командира встретил, он тебе ничего такого не сказал?

По сравнению с той самой первой фразой, которую он когда-то бросил Баи, путунхуа товарища Хуан Даху стал заметно чище — разве что едва уловимый деревенский выговор все еще давал о себе знать.

— Спросил, почему я не с Ван Эрмао, — отчеканил Баи, даже не задумавшись. — И поинтересовался, не хочу ли я снова намотать пару кругов по плацу, раз без дела шатаюсь.

Эту ложь он заготовил заранее, так что слова отскочили от зубов без запинки, не вызвав ни у кого подозрений.

Стоило разговору снова зайти о Ван Ане, как тут же вклинился товарищ Сунь Дунлинь. С заговорщицким видом он прошептал:

— Но погоди... Как думаешь, если командир поймает этого гада, он его действительно... — Сунь Дунлинь забавно выпучил глаза и провел ребром ладони по горлу.

— Кто ж его знает? — Чжао Баи лишь пожал плечами. — Если легко отделается — отправят на свинарник месяца на три. А если прижмет всерьез, то, считай, сразу под зад коленкой из армии.

Этот уклончивый ответ едва не довел Сунь Дунлиня до белого каления — он чуть было не спрыгнул с койки, чтобы проучить шутника.

— Эй, эй, товарищ Чжао Баи! Хватит юлить, говори как есть! Ну же, колись, разнюхал что-нибудь у командира?

— Да бог с тобой, обижаешь! — взмолился Чжао Баи, разыгрывая крайнюю степень возмущения. — Стал бы командир делиться со мной армейскими тайнами. Если он с кем и будет это обсуждать, так только с помощником командира отделения! Братец, ты обо мне слишком высокого мнения. Сам ведь знаешь, командир отделения на меня с первого дня в роте новобранцев волком смотрит.

Видя, как картинно сокрушается Баи, Сунь Дунлинь поверил ему почти безоговорочно. Он согласно кивнул и пробормотал себе под нос:

— Тоже верно. Случись такое, он скорее всему четвертому отделению расскажет, чем тебе.

Чжао Баи мысленно хмыкнул.

"Конечно-конечно, командир со мной не разговаривает. Только вот кто сказал, что я сам не могу с ним поговорить?"

Однако спектакль нужно было доиграть до конца.

— Наш командир — мужик башковитый, разберется со всем в два счета. Возможно... — Баи осекся на полуслове, заставив самых нетерпеливых парней в комнате податься вперед от любопытства. Дождавшись, пока его начнут торопить, он понизил голос до таинственного шепота: — Мне кажется, он уже кое-что разнюхал. Наверняка у него есть зацепка.

— Какая еще зацепка? — не выдержал Ли Дун.

Чжао Баи бросил на него быстрый, изучающий взгляд и, сделав вид, что усиленно размышляет, развел руками:

— А я откуда знаю? Нам, салагам, ход мыслей начальства не угадать.

Ли Дун злобно зыркнул на него и только открыл рот, чтобы возразить, как по расположению разнесся оглушительный сигнал на обед. Четвертое отделение мгновенно пришло в движение: парни посыпались с коек, на ходу натягивая шинели и куртки. Оставшись без завтрака, к полудню все проголодались так, что готовы были жрать землю, и теперь неслись в столовую подобно стае голодных волков.

Во время дневной подготовки командир отделения Ван Ан вел себя так, будто утреннего происшествия никогда и не было. Тренировки шли своим чередом: нормативы гоняли без поблажек, а проштрафившиеся огребали наряды и дополнительные круги с прежней регулярностью. Казалось, командир напрочь выбросил инцидент из головы.

Подобное хладнокровие лишь нагнетало обстановку. В отделении росло глухое беспокойство, и только Чжао Баи втайне злорадствовал.

"А Ван Ан силен в психологическом давлении. С такой тактикой виновник долго не продержится — сам себя выдаст с потрохами".

Даже после команды "разойдись" Ван Ан ни словом не обмолвился о поисках вредителя. Парни из четвертого отделения возвращались в казарму в полном недоумении. Весь вечер до самого отбоя только и разговоров было, что о странном поведении командира и о том, кто же на самом деле устроил эту пакость. Каждый в казарме внезапно возомнил себя Шерлоком Холмсом.

Следующие два дня в четвертом отделении царило обманчивое спокойствие. Каждый варился в собственных мыслях, подозревая соседа, но, поскольку имя виновника оставалось тайной, все старались держать лицо. Жизнь потекла прежним чередом — однообразная, монотонная армейская рутина, где один день был неотличим от другого.

<http://bllate.org/book/18247/1761201>